

Нумизматический портрет в Северном Причерноморье

Аннотация: В статье рассматривается проблема портретных изображений в северопричерноморской нумизматике, которая, в отличие от монетного дела эллинистических монархий и полисов других районов ойкумены, не может похвастать существованием устойчивой традиции таких изображений среди локальных монетных типов. В монетных выпусках ведущих полисов Северного Причерноморья – Ольвии и Херсонеса использование портрета в качестве монетного типа носило спорадический характер, однако, изучение подобных изображений позволяет приоткрыть малоизвестные страницы истории этих полисов и в новом свете представить, казалось бы, всем известные факты и события.

В статье анализируются золотые монеты сарматского царя Фарзоя, чеканенные на ольвийском монетном дворе в 60–70-х годах новой эры. Стилистический анализ этих выпусков позволил сделать вывод о приглашении для изготовления первых штемпелей подобных монет резчика со стороны, скорее всего, с Боспора. Созданные приглашенным мастером штемпели активно копировались местными, менее умелыми резчиками, что и объясняет давно отмеченную учеными разницу в уровне исполнения изображений.

Среди монетных выпусков Херсонеса Таврического эллинистического времени лишь один, по мнению автора статьи, демонстрирует изображение, которое может быть интерпретировано как портрет. Изучение этого изображения позволяет видеть в нем портрет понтийского царя Митридата III, который, очевидно, выступил в качестве союзника херсонесского полиса и оказал ему военную и финансовую помощь в условиях усиливавшегося натиска варварских племен на территорию полиса, как это сделал позднее его сын – Фарнак I. Признательность херсонеситов нашла отражение в помещении портрета их царственного союзника на полисные монеты, что было осуществлено в соответствии с демократическими процедурами, через решение народного собрания.

Ключевые слова: монетное дело, Северное Причерноморье, портрет, монетный тип

УДК 737

Abstract: Article deals with the problem of the monetary portraiture in the coinages of the Northern Black Sea littoral. As against other areas of *oikumene* this region did not have tradition of long using such portraits as coin types. In the monetary issues of the main Greek *poleis* of the area, Olbia and Tauric Chersonesos, portraits appear sporadically. However, such cases allow reassessing some old materials debated by scholars during a long time.

* Коваленко Сергей Анатольевич – к.и.н., заведующий отделом нумизматики Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (e-mail: kovalenko62@bk.ru)

Gold coins of the Sarmatian king Pharzoius struck during 60-70-s AD at the Olbian mint are studied in the article. Stylistical analysis of these issues allows concluding the invitation of the foreign engraver for producing dies for the first coins of Pharzoius. He could have come from the Bosporan Kingdom. His dies were being copied by the local less skillful artists and thus sharp difference in their quality level, noted by the scholars long ago, could have been explained.

Among Hellenistic coin issues of the Tauric Chersonesos only one represents image, which could be considered as a portrait. Its study testifies that it could have been portrait of the Pontic king Mithradates III. He could have acted as an ally of Chersonesos in the fight against surrounding barbarians and rendered military and financial support to the *polis*, as later his son Pharnakes I did. Gratitude of Chersonesites embodied in the putting king's portrait on the civic coins due to the decision made by the people's assembly as in other Greek *poleis*.

Key words: coinage, Northern Black Sea littoral, portrait, coin type

Проблема, вынесенная в заголовок настоящей статьи, очевидно, имеет две стороны – эстетическую или художественную, и историческую. Первая связана с уровнем мастерства резчиков монетных штемпелей, их способностью не только достоверно воспроизвести внешний облик изображаемого персонажа, но и наполнить его неким психологическим содержанием, передать внутренний мир и подняться, таким образом, до лучших образцов искусства греческого монетного портрета. Вторая сторона во многом относится к сущностно-терминологической характеристике самой проблемы, позволяя судить о том, когда при анализе монетных типов мы вправе говорить именно о портретных изображениях, то есть воспроизведении облика исторических персонажей различного рода, и когда речь должна идти о неких обобщенных образах, отдающих дань антропоморфной традиции античного восприятия окружающего мира и не имеющих отношения к изображению конкретных исторических личностей.

Монетное дело античных центров Северного Причерноморья, в течение десятилетий бывшее в центре углубленного изучения нескольких поколений отечественных нумизматов, историков и археологов, во многом продолжает оставаться своеобразной *terra incognita* для зарубежных исследователей, не владеющих русским языком и традиционно рассматривающих юг России и Украины как своеобразный «медвежий угол» античной цивилизации. Между тем, несмотря на ряд безусловно своеобразных местных черт, наложивших заметный отпечаток на пути и характер процесса развития античного общества в греческих полисах и государственных образованиях Северного Причерноморья, магистральные пути его эволюции немногим отличались от тех, что были свойственны другим районам ойкумены. Подобное заключение справедливо в целом и для истории монетного дела этой области. Наряду с использованием таких экзотических разновидностей денежных знаков как бронзовые стрелки и дельфины, или широким и необычным для греческого монетного обращения распространением литых

бронзовых «ассов» и их фракций, находящим аналогии лишь на другом конце ойкумены – в Сицилии, мы видим и вполне традиционные для эллинского мира чеканенные выпуски серебряной и бронзовой монеты, изобразительные типы которой, однако, отмечены несомненным местным колоритом и своеобразием.

Необходимо отметить, что портретные изображения в изобразительном репертуаре северопричерноморской нумизматики в доримский период не получают широкого распространения. Как и во всем греческом мире, их первое появление здесь датируется эллинистической эпохой и лидером в этой области вполне ожидаемо становится единственное монархическое государство региона – Боспорское царство. Начало осуществления, наряду с полисной чеканкой, монетных выпусков от имени боспорских царей вполне естественно влечет за собой и такое нововведение как помещение на монеты предполагаемых изображений царственных эмитентов. В этой статье, однако, мы оставим в стороне портретные боспорские выпуски, поскольку они – тема отдельной и большой работы, и сосредоточимся на чеканке полисных демократий, каковыми являлись античные Ольвия и Херсонес. Портретные изображения в типологии монетных выпусков этих центров единичны, но тем интереснее проанализировать эти исключения из правил, поскольку именно они зачастую могут приоткрыть малоизвестные страницы истории этих полисов и в новом свете представить, казалось бы, всем известные факты и события.

Начнем с ольвийской чеканки, в типологии которой в середине – второй половине I в. н.э. фиксируются изображения, носящие портретный характер. Их появление связано с инициативой варварского правителя, использовавшего оборудование и персонал ольвийского монетного двора для выпуска монеты от собственного имени.

Это – золотые монеты царя Фарзоя, который, вероятнее всего, возглавлял крупное объединение сарматских племен, обитавших к северо-западу от Ольвии, и известен исследователям исключительно благодаря этим монетам¹. Его выпуски чеканились в течение по меньшей мере нескольких лет, как свидетельствуют цифры от 6 до 9, помещенные на оборотной стороне некоторых из его монет, и являвшиеся, видимо, обозначением или лет его правления или годов городской эры Ольвии. Эти монеты могут быть разделены на несколько групп, каждая из которых отличается своими стилистическими особенностями при сохранении одних и тех же типов изображений на л. и о. с. На аверсе – это портрет Фарзоя, на реверсе – орел с расправленными крыльями, стоящий, как правило, на царском родовом символе – тамге, с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ и дополнительными буквенными обозначениями монетного двора, должности и сокращенного имени высшего магистрата Ольвии – первого архонта (Рис. 1, 3).

¹ Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1982. С. 66–82.

Рис. 1. 1 – золотой статер царя Фарзоя (коллекция У.М. Стенкоба); 2 – Ольвия, бронза (ГМИИ); 3 – золотой статер Фарзоя (ГМИИ); 4 – золотой статер Фарзоя (Берлин); 5 – золотой статер Фарзоя (ГЭ); 6–7 – серебряные монеты Инисимея (ГИМ); 8–10 – Херсонес, бронза (ГМИИ); 11 – серебряная тетрадрахма Фарнака I (de Callatay 2009); 12–13 – серебряные тетрадрахмы Митридата III (de Callatay 2009).

Монеты Фарзоя, достаточно убедительно датированные сегодня 60–70-ми годами н.э.², дают весьма показательный для дальней периферии ойкумены пример того, какими своеобразными путями в греческом полисе, находящемся в плотном варварском окружении, могло развиваться искусство изготовления монетного портрета. Как установлено сегодня нумизматами, параллельно с золотыми монетами Фарзоя, выпускавшимися первоначально по облегченному аттическому стандарту, монетный двор Ольвии выпускал и бронзовые монеты типа "голова Зевса – орел" (Рис. 1, 1–2), реверс которых весьма близко воспроизводит изображение на оборотной стороне золотых монет³. Как сильно, однако, отличаются изображения, появившиеся в одно время и в одном месте!

Голова Зевса на бронзовых монетах просто воспроизводит привычную иконографическую схему, включающую все присущие именно этому персонажу внешние элементы – крупные черты лица, густую, но не очень длинную бороду, шапку волос, упрощенно переданных прямыми линиями, мощную шею. Уровень исполнения оставляет впечатление того, что подобные изображения

² Там же. С. 71–73.

³ Там же. С. 67–68.

создавались, если можно так сказать, крепким ремесленником, способным на достоверную передачу человеческого лица, но не поднявшимся до умения вдохнуть в него жизнь. С тем же уровнем мастерства выполнены изображения и других персонажей, встречающихся на бронзовых монетах Ольвии этого времени – Аполлона и Тихи.

Изображение на лицевой стороне первых монет Фарзоя в художественном отношении на голову выше современных ему и вполне посредственных произведений ольвийских резчиков (Рис. 1, 1). Оно, безусловно, выполнено человеком, знакомым с лучшими традициями эллинистического монетного портрета. Об этом свидетельствует легкий и естественно смотрящийся наклон вперед шеи изображенного персонажа, ее изящный обрез и чуть приподнятая вверх голова, тщательная проработка волос, переданных причудливо извивающимися локонами и перехваченных широкой диадемой. Не случайно, некоторые исследователи, занимавшиеся выпусками Фарзоя, опираясь на стиль изображений на подобных монетах, считали, что их чеканка относится еще ко II–I вв. до н.э., а кое-кто даже называл Фарзоя отцом Скилура⁴! Вместе с тем, это изображение, безусловно, передающее индивидуальные черты – крупный нос слегка картошкой, крупную голову округлой формы, глубокие глазницы, усы, видимо, по моде выбритые над верхней губой и немного заходящие на полные щеки. Примечательно также сочетание слегка нахмуренного лба (или это сросшиеся брови?) и ощущения полуулыбки на губах, придающее особую выразительность изображению. Перед нами, несомненно, портрет конкретного человека, причем негреческого облика (несмотря на диадему и постановку шеи и головы), с большим мастерством созданный одаренным резчиком.

Чем объясняется подобный разрыв в уровне художественного исполнения штемпелей лицевой стороны первых золотых монет Фарзоя и современных им городских монет Ольвии? На наш взгляд, тем фактом, что мастер, создававший лицевые штемпеля для чеканки этого золота, не был работником ольвийского монетного двора, но был приглашен властями города со стороны специально для выполнения царского заказа. Исключительность этого заказа определялась, во-первых, металлом, в котором должна была осуществляться чеканка – сама Ольвия не выпускала золотые монеты почти четыре столетия⁵, и во-вторых, личностью заказчика – сарматского царя, о характере отношений которого с городом существуют разные мнения, но который, безусловно, играл чрезвычайно важную роль в жизни Ольвии в это время.

Следующий, вполне естественно возникающий вопрос – откуда мог прибыть такой мастер? В I в. н.э. золотая чеканка осуществлялась только в двух местах Северного Причерноморья – Херсонесе

⁴ Imhoof-Blumer Fr. *Porträtskopf auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierte Völker*. Leipzig. 1885. S. 20; Орешников А.В. Золотой статер царя Фарзоя // Труды Московского Нумизматического Общества. Т. 2. М. 1901. С. 240; Розанова Н.П. Монеты царя Фарзоя // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР. №50. М.-Л. 1956. С. 206.

⁵ Выпуски золотых ольвийских статов и тетарт датируются сегодня последней третью IV в. до н.э.: Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1989. №94, 121.

Таврическом и Боспорском царстве. Золотые выпуски Херсонеса носили спорадический характер и художественный уровень городского золота и одновременных ему бронзовых серий был значительно ниже качества собственной ольвийской продукции⁶. Кроме того, в херсонесской чеканке этого времени полностью отсутствуют портретные изображения. Боспор же напротив, начиная со времени Асандра, осуществлял практически непрерывную чеканку золотых монет⁷. Как на них, так и на бронзовых выпусках важную роль играли изображения боспорских правителей и членов римского императорского дома, в большинстве своем отличавшиеся высоким мастерством исполнения и следовавшие традициям античного монетного искусства. Боспорские мастера, безусловно, обладали богатейшим опытом создания портретных изображений, их традиция здесь, начиная с конца III в. до н.э., сохранялась и развивалась непрерывно и на наш взгляд, именно гравер боспорской школы был приглашен ольвийскими властями для изготовления первых штемпелей с портретом Фарзоя.

Подобное предположение подкрепляется фактом существования в боспорской чеканке 40-50-х гг. н.э. портретных изображений, исполнение и трактовка которых весьма близки к рассмотренному выше портрету Фарзоя. Речь идет об изображениях боспорского царя на некоторых ассариях Митридата VIII, при создании которых использовались те же художественные приемы, что и на золоте Фарзоя⁸. Обращают на себя внимание близость композиционного решения с легким наклоном шеи вперед и чуть приподнятой головой, а также передачи окаймляющих волос, лоб, в виде плотного валика. Волосы на голове показаны короткими прямыми линиями, достаточно схематично, без той нюансировки, которая присутствует в прическе Фарзоя, что, однако, вполне могло диктоваться как свойствами металла, в котором должна была производиться чеканка (бронза гораздо тверже золота), так и небольшими размерами монетного кружка. Крупный прямой нос и четко обозначенная граница между подбородком и шеей, призваны подчеркнуть решительность и твердость характера боспорского царя, свидетельствуя о заметном и в портрете Фарзоя интересе художника к личностным качествам изображаемого персонажа. Тот же подход ощущается в изображениях на монетах сменившего на боспорском престоле Митридата VIII его брата Котиса I.

Если эта догадка верна, сам факт приглашения ольвийскими властями боспорского резчика для работы на местном монетном дворе можно рассматривать как свидетельство дружественных отношений Ольвии и Боспора в середине I в. н.э., которые вряд ли имели бы место, если бы Ольвия, как предполагают некоторые исследователи, участвовала в боспорско-римской войне 45–49 гг. на стороне мятежного и враждебного Риму Митридата VIII⁹. Получает и логичное объяснение тот стилистический разнобой, характерный для изображений Фарзоя на монетах, который вызывал

⁶ См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977. №215сл.

⁷ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть I. М. 1997. С. 165сл.

⁸ Там же. Табл. XIX, 15; Табл. XX, 15; Табл. XXIV, 8.

⁹ Ср.: Карышковский П.О. Указ. соч. С. 74; Анохин В.А. Монеты античных городов. С. 59–60.

недоумение ученых и заставлял предполагать или значительный временной разрыв между выпусками с именем Фарзоя или даже существование нескольких разновременных правителей с таким именем. Штемпельный анализ монет Фарзоя, осуществленный П.О. Карышковским, показал наличие штемпельных связей между монетами различных групп и, таким образом, подтвердил факт их принадлежности к относительно обозримому временному отрезку¹⁰. Бросающееся же в глаза различие в уровне исполнения портретных изображений на монетах первой группы и последующих выпусков обусловлено не длительной стилистической эволюцией (что опровергается наличием штемпельных связей), а фактом копирования высокохудожественного изображения, своего рода *Musterstück*, созданного приглашенным резчиком, местными ольвийскими мастерами, квалификация которых была заметно ниже и которые, ориентируясь на имевшийся образец, резали изображения для всех последующих выпусков (Рис. 1, 1, 3–5). Ольвийские резчики воспроизводили те же наиболее характерные индивидуальные черты Фарзоя, что и предположительно боспорский мастер – крупный нос, валик волос надо лбом, усы, но не сумели, однако, передать ту живость и несомненный реализм, которые были присущи оригинальному портрету. Эти изображения схематичны в той или иной степени, плоскостны и условны, а стремление повторить образец, при отсутствии необходимых навыков или художественного чутья иногда даже трогательно, как например, на монете из берлинского собрания (Рис. 1, 4), резчик которой, пытаясь передать гармонично смотрящийся на шедевре боспорского мастера наклон шеи и легкий подъем головы изображенного персонажа, добился лишь впечатления неестественной вытянутости вперед и его шеи, и головы. Резчик лицевого штампея экземпляра из Государственного Эрмитажа (Рис. 1, 5) демонстрирует полное отсутствие умения воспроизвести даже отмеченные выше характерные индивидуальные черты Фарзоя и создает некий отвлеченный, практически абстрактный образ, идентифицировать который позволяет только сопровождающая его легенда.

Тем не менее, на наш взгляд, для последней четверти I в. н.э. можно говорить о существовании в Ольвии своей школы монетных резчиков, выработавших собственную манеру передачи на монетах как божественных образов, так и исторических лиц. Портрет царя Ининсимея, или Инисмея, который, очевидно, был преемником Фарзоя¹¹, помещен на ряд монет, выпущенных ольвийским монетным двором (Рис. 1, 6–7). В отличие от Фарзоя, Ининсимей чеканил на ольвийском монетном дворе только серебряные монеты – тройные денарии и денарии, лицевую сторону которых украшал его портрет с соответствующей легендой, а обратную – изображения городской богини Тихи и Аполлона¹². Очевидно, что изображения на обеих сторонах монет Ининсимея резал один мастер, о чем говорит близость их трактовки – неестественно длинная шея и посадка головы под прямым углом, в высшей

¹⁰ Карышковский П.О. Указ. соч. С. 70–71.

¹¹ Об этом может свидетельствовать близость помещенных на монетах этих царей родовых знаков – тамг.

¹² Анохин В.А. Монеты античных городов. Табл. XXII, 368–369.

степени схематичная передача черт лица, а также такие детали как большие щеки и маленький подбородок. Надо заметить, что в том же духе трактованы изображения и на одновременных монетах Ининсимея бронзовых городских выпусках¹³. Очевидно, в этом случае по неизвестным нам причинам ольвийскими властями было принято решение об осуществлении царской чеканки собственными силами, с привлечением местных резчиков. Мастер, которому было поручено выполнение этого заказа, несомненно, постарался придать изображению царя портретные черты – окаймляющая подбородок неширокая остроконечная бородка, округлая прическа как бы мы сказали «под горшок», небольшие узкие глаза – все отмеченные детали очевидно действительно взяты из жизни, свидетельствуют о негреческом происхождении персонажа и придают рассматриваемому изображению безусловную неповторимость, хотя в целом его трактовка не поднимается выше рамок описанного выше художественного шаблона, представлявшего, видимо, своеобразный «фирменный стиль» ольвийской монетной школы.

Чеканка Херсонеса Таврического – единственного дорийского полиса в Северном Причерноморье, началась достаточно поздно, в конце V в. до н.э.¹⁴ Херсонесскими резчиками создавались высокохудожественные изображения, а в конце III в. до н.э. херсонесские мастера работали даже на ольвийском монетном дворе¹⁵. Необходимо, однако, отметить, что изобразительный репертуар херсонесской чеканки на протяжении классического и раннеэллинистического времени был крайне скудным и ограничивался мотивами, связанными с воспроизведением главных полисных божеств – Девы, или Парфенос, и Геракла и их атрибутов. Лишь в позднеэллинистическую эпоху, на рубеже III-II вв. до н.э. фиксируется появление монетных типов, имеющих отношение и к другим божествам херсонесского пантеона и связанное, вероятно, с социально-политическими и экономическими потрясениями в жизни херсонесского полиса¹⁶. Именно в эту эпоху на монетах города появляется первое и единственное в его чеканке изображение, которое можно, на наш взгляд, отнести к портретным (Рис. 1, 8–10). В научной литературе оно описывалось как изображение мужской головы в повязке или изображение головы Геракла, поскольку на оборотной стороне этих небольших бронзовых монет было помещено изображение палицы¹⁷. Надо, однако, отметить, что известны другие монеты этой же серии, чеканившиеся одновременно с рассматриваемым выпуском, и на них голова Геракла всегда изображена в львиной шкуре, что исключает возможность отождествления интересующего нас изображения с этим героем¹⁸. Кроме того, его иконография не имеет ничего общего со вполне

¹³ Там же. Табл. XXII, 370–373.

¹⁴ Kovalenko S. Die spätclassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. Berlin. 2008. S. 68–70.

¹⁵ Анохин В.А. Монеты античных городов. С. 45–46.

¹⁶ Коваленко С.А. Об одном феномене херсонесской нумизматики // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь-Керчь. 2004. С. 141–142.

¹⁷ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977. С. 144, №145–146, 150–153; *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. IX. The British Museum. Part 1: The Black Sea. L. 1993. Nos. 800–803; *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. XI. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. Oxford. 2000. Nos. 486–489.

¹⁸ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 144, №147–149.

устоявшимся в монетном деле античности привычным образом самого популярного греческого героя. Представленный на этих монетах персонаж далеко не молод, хотя борода у него отсутствует (что опять-таки говорит против того, что перед нами Геракл). Резкие черты лица и глубоко запавшие глаза свидетельствуют о зрелом возрасте изображенного, а трактовка образа в целом – о том, что перед нами – конкретный человек, с присущими ему индивидуальными чертами. Отсутствие каких-либо божественных атрибутов и, напротив, наличие на голове диадемы, свидетельствует о его высоком социальном, вероятнее всего, царском статусе. Таким образом, рождается вполне естественное предположение, что перед нами исторический персонаж и возникает вопрос – кто бы это мог быть?

Письменными и эпиграфическими источниками, относящимися к первой четверти II в. до н.э., то есть ко времени, весьма близкому к моменту чеканки рассматриваемых монет, засвидетельствованы тесные связи херсонесского полиса с Понтийским царством. Полибий сохранил для нас сведения о мирном договоре, заключенном по окончании Понтийской войны в 179 г. до н.э., между царем Понта Фарнаком и царем Армении Митридатом, с одной стороны, и правителями Пергама, Вифинии и Каппадокии, с другой. В качестве свидетелей этого договора выступили греческие полисы Месембрия, Кизик, Херсонес и его метрополия Гераклея Понтийская¹⁹. Этим же годом исследователи датируют договор о союзе между Фарнаком и Херсонесом, заключенный, как считается, в рамках мирных соглашений, знаменовавших окончание Понтийской войны²⁰. Текст договора, в котором Фарнак обязуется оказывать Херсонесу военную помощь в борьбе против окрестных варваров, сохранился на мраморной плите, обнаруженной при раскопках Херсонесского городища в 1908 г. В условиях сложной военно-политической и экономической ситуации, которая сложилась в Западной Таврике на рубеже III–II вв. до н.э., когда Херсонесское государство подвергалось все более усиливавшемуся натиску варваров и начало утрачивать свои владения на дальней хоре, в Северо-Западном Крыму, этот договор, безусловно, имел для города огромное значение и не исключено, что был заключен по инициативе самих херсонеситов, которые направили к Фарнаку послов, в присутствии которых, как ясно из текста, царь и приносил клятву, обязуясь соблюдать условия союза.

Учитывая это, весьма соблазнительно было бы видеть в портрете на рассматриваемых херсонесских монетах изображение Фарнака. Решение о выборе изображений, помещавшихся

¹⁹ Polybios 25.2.3–15.

²⁰ IOSPE I, 402. Мы придерживаемся традиционной точки зрения на датировку договора херсонеситов с Фарнаком, согласно которой, отсчет упомянутого в договоре 157-ого года по «эре Фарнака» должен идти от 337–336 гг. до н.э. Попытки передатировать рассматриваемый документ 155 г. до н.э. (из последних работ см.: Højte J.M. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I², 402) and its Implications // *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Black Sea Studies 3. Aarhus. 2005. P. 137–152*) или 158–157 гг. до н.э. (Габелко О.Л. Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Казань. 2006. С. 35–36) вполне обоснованно, на наш взгляд, были отвергнуты С.Ю. Сапрыкиным (см. в частности: Сапрыкин С.Ю. Рецензия на книгу: Панов А.Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Арзамас. 2008 // *Вестник древней истории. 2010. №4. С. 176–179*).

на монеты, как явствует из знаменитого декрета города Сеста II–I вв. до н.э.²¹, принималось в демократических полисах народным собранием и в рамках подобной процедуры, как мне кажется, вполне возможно принятие решения о помещении портрета вновь приобретенного союзника на лицевую сторону одного из городских выпусков в качестве дани уважения понтийскому царю. Исключительность подобного факта в монетном деле херсонесского полиса определялась исключительностью повода, который мог подтолкнуть к подобному решению.

Однако, приходится признать, что этому весьма привлекательному предположению противоречит нумизматический материал, а именно, монеты самого понтийского царя, лицевую сторону которых занимает его в высшей степени реалистический портрет. Черты лица Фарнака безусловно своеобразны и его трудно спутать с кем-нибудь еще (Рис. 1, 11). Череп удлиненной формы, выдвинутая вперед нижняя челюсть с чуть скошенным подбородком, острый нос, короткая борода – создатель этих портретов явно не льстил царю (недаром один из современных исследователей сравнил профиль Фарнака с профилем неандертальца²²) и мимо подобных индивидуальных деталей вряд ли мог бы пройти херсонесский резчик, который вполне владел искусством передачи портретных черт, как показывает созданное им изображение.

Изображения на херсонесских монетах, однако, оказываются очень близкими к портретам отца Фарнака – Митридата III. Митридат III чеканил серебряные тетрадрахмы двух типов. На первом изображена голова царя, он представлен без бороды (Рис. 1, 12). На втором типе тетрадрахм аверс занимает царский бюст, а на лице Митридата III появляется короткая бородка. Херсонесские изображения близки именно первому типу, представляя безбородую голову зрелого, если не пожилого человека. И постановка головы, и ее контур на понтийских и херсонесских монетах практически идентичны. Характерна короткая прическа, волосы не закрывают уши и почти одинаково окаймляют лоб. Херсонесские изображения создавались несколькими резчиками, и наиболее одаренному из них удалось добиться значительного сходства с оригиналом (Рис. 1, 9–10). Другие изображения трактованы более обобщенно, хотя основные черты, определяющие внешний облик понтийского царя, сохраняются и в этих изображениях. В связи с нашей темой особенно интересным становится тот факт, что тетрадрахмы Митридата III чеканились и небезызвестным Карлом Беккером. Известный копиист или фальшивомонетчик работал на монетном поле того же диаметра, что и у настоящих монет, но не стал слепо копировать исходное изображение, а создал свой оригинальный образ понтийского царя, отличающийся высокими художественными достоинствами и безусловным психологизмом (Рис. 1, 13). Как истинный художник, он не стал действовать в рамках, предписываемых оригиналом,

²¹ von Fritze H. Sestos. Die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt // *Nomisma*. I. 1907.

²² Green P. Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley-Los Angeles. 1993. P. 350 – цит. по: de Callatay Fr. The First Royal Coinages of Pontos (from Mithradates III to Mithradates V) // *Mithradates VI and the Pontic Kingdom*. Black Sea Studies. 9. Aarhus. 2009. P. 64.

но предпочел собственную трактовку. Поэтому созданный им портрет так отличается от изначального образца. То же, я думаю, можно сказать и в отношении херсонесских мастеров, находившихся в ситуации, в чем-то схожей с беккеровской. Перед ними в этом случае стояла и более сложная и более простая задача. Более сложная, потому что они имели дело с рабочим полем гораздо меньшего диаметра, всего 14–15 мм, а более простая – потому что миниатюрные размеры изображения позволяли избегать излишней детализации и нюансировки в его трактовке. Это, однако, как мы видели, не помешало им создать вполне художественный портретный образ.

Причины появления на рассматриваемых херсонесских монетах портрета понтийского царя Митридата III могут быть объяснены так же, как отвергнутая выше атрибуция этого изображения в качестве портрета Фарнака. Очевидно, Митридат III оказал херсонесскому полису какие-то важные услуги, за которые херсонеситы решили отблагодарить царя, поместив его портрет на один из выпусков городской меди. Какого рода это были услуги можно только предполагать, хотя, если учесть, в какой ситуации Херсонесское государство находилось на рубеже веков, вероятнее всего, речь шла об оказании понтийским царем военной, финансовой или иного рода помощи херсонеситам в борьбе с наступающими варварами, или о заключении возможного союзного договора, в рамках которого подобная помощь предусматривалась.

Таким образом, внимательное изучение, казалось бы, давно и хорошо известного нумизматического материала может служить основой для выдвижения новых гипотез и предположений, позволяет заметно расширить его интерпретационные возможности и по-новому подойти к решению старых загадок и спорных проблем.

Библиография:

- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977.
- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1989.
- Габелко О.Л. Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Казань. 2006. 46 С.
- Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1982. С. 66–82.
- Коваленко С.А. Об одном феномене херсонесской нумизматики // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь-Керчь. 2004. С. 125–167.
- Орешников А.В. Золотой статер царя Фарзоя // Труды Московского Нумизматического Общества. Т. 2. М. 1901. С. 239–240.
- Розанова Н.П. Монеты царя Фардзоя // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР. №50. М.-Л. 1956. С. 197–208.
- Сапрыкин С.Ю. Рецензия на книгу: Панов А.Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Арзамас. 2008 // Вестник древней истории. 2010. №4. С. 174–183.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть I. М. 1997.
de Callatay Fr. The First Royal Coinages of Pontos (from Mithradates III to Mithradates V) // Mithradates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies. 9. Aarhus. 2009. P. 63–94.
von Fritze H. Sestos. Die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt // Nomisma. I. 1907. S. 1–13.
Højte J.M. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (*IOSPE I*², 402) and its Implications // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Black Sea Studies 3. Aarhus. 2005. P. 137–152.
Imhoof-Blumer Fr. Porträtskopf auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierte Völker. Leipzig. 1885.
IOSPE I – Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Petropolis. 1916.
Kovalenko S. Die spätclassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. Berlin. 2008.
Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1: The Black Sea. L. 1993.
Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. Oxford. 2000.

Bibliography:

Anohin V.A. Monetnoe delo Khersonesa. Kiev. 1977.
Anohin V.A. Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. Kiev. 1989.
Gabelko O.L. Anatoliyskoe etnopoliticheskoe koyne i osobennosti ellinizma v Maloy Azii (na primere Vifinskogo tsarstva). Avtoreferat diss. na soisk. uch. step. doktora ist. nauk. Kazan. 2006. 46 S.
Karyshkovskiy P.O. O monetah tsarya Farzoya // Arheologicheskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. Kiev. 1982. S. 66–82.
Kovalenko S.A. Ob odnom fenomene khersonesskoy numizmatiki // Bosporskie issledovaniya. Vyp. VII. Simferopol-Kerch. 2004. S. 125–167.
Oreshnikov A.V. Zolotoy stater tsarya Farzoya // Trudy Moskovskogo Numizmaticheskogo Obshchestva. T. 2. M. 1901. S. 239–240.
Rozanova N.P. Monety tsarya Fardzoya // Olviya i Nizhnee Pobuzh'e v antichnuyu epokhu. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. №50. M.-L. 1956. S. 197–208.
Saprykin S.Yu. Retsenziya na knigu: Panov A.R. Rim na severo-vostochnykh rubezhakh: vzaimootnosheniya s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v I v. do n.e. – pervoy tretyi II v. n.e. Arzamas. 2008 // Vestnik drevney istorii. 2010. №4. S. 174–183.
Frolova N.A. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Chast I. M. 1997.
de Callatay Fr. The First Royal Coinages of Pontos (from Mithradates III to Mithradates V) // Mithradates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies. 9. Aarhus. 2009. P. 63–94.
von Fritze H. Sestos. Die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt // Nomisma. I. 1907. S. 1–13.
Højte J.M. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (*IOSPE I*², 402) and its Implications // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Black Sea Studies 3. Aarhus. 2005. P. 137–152.
Imhoof-Blumer Fr. Porträtskopf auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierte Völker. Leipzig. 1885.
IOSPE I – Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Petropolis. 1916.
Kovalenko S. Die spätclassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. Berlin. 2008.
Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1: The Black Sea. L. 1993.
Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. Oxford. 2000.